

В школе Блонской

Все свободное от уроков время я отдавала рисованию. Зарисовывала все что попадалось на глаза: цветы, яблоки, стакан с чаем... Иногда заставляла позировать брата в головном уборе индейца. Старательно копировала иллюстрации в книгах.

Отец поощрял мое увлечение. Бывая в Москве, привозил мне бумагу, акварельные краски, кисти... Однажды, вернувшись из Москвы, он положил передо мной большой альбом: — это тебе прислал Бакушинский.

Анатолий Васильевич Бакушинский — искусствовед, известный исследователь палехской живописи — окончил институт Шеллапутина вместе с отцом. Лицо его было мне давно знакомо по выпускной фотографии, висевшей над письменным столом отца: бритая голова Бакушинского возвышалась над всеми, он сидел как-то боком, чуть улыбался и выглядел непринужденней всех. Я знала, что между ним и отцом идет переписка, папа получал от него все новинки литературы, выходявшие в то время в Москве.

И вот этот альбом! Он назывался: «Рисунки резьбы по линолеуму». Издание было прекрасное, но рисунки все — черно-белые. А я так любила цвет в живописи! Очевидно Анатолий Васильевич хотел направить меня по другому пути, но черно-белый альбом меня испугал...

Видя мои слезы, папа отвел меня в рисовальную школу Блонской. Эта школа находилась недалеко, почти на углу нашей улицы и Красного переулка. Здесь стоит и сейчас старый дом с мезонином.

От дома тянулся кирпичный забор с облупившейся облицовкой, из-за забора свешивались на улицу ветви яблонь, слив... Стоило тронуть зеленую деревянную калитку — и сразу открывался чудесный мир... В саду, под тенистыми деревьями, за низкими мольбертами полукругом сидели дети. Перед ними на грубо сколоченном столике стоял натюрморт: сегодня — дыня и арбуз, завтра -- яблоки и виноград, или дымчатые сливы ренклоды. Натюрморты менялись, но плоды всегда были свежие, только что сорванные с дерева. Над ними кружились пчелы.

Между мольбертами ходила художница Серафима Иасоновна Блонская. Высокая, с прямыми темными волосами, закрученными на затылке в узел, она всегда носила широкую синюю блузу. В глубоких карманах этой блузы лежали цветные карандаши, которыми она правила наши ученические работы. Когда Серафима Иасоновна присаживалась к моему мольберту и доставала свой карандаш, я знала: сейчас произойдет чудо и на бумаге оживет то, чего я совсем не замечала в природе.

Этот сад, наполненный воздухом и солнцем, был для меня землей обетованной. Здесь, под открытым небом, нас окружали все краски юга, плоды и цветы сами излучали солнечный свет и говорили детям: — Смотрите, как мы прекрасны! Как прекрасна земля наша!

Это воспитание любви к природе, чувства цвета и света было самым драгоценным, что давала нам школа Блонской.

Все, что составляло предмет урока, обязательно освещалось солнцем: скромная рисовальная школа была подлинным классом пленэра. Серафима Иасоновна постоянно внушала нам: — В природе нет черного цвета! Черный цвет выдумали те, кто не видит солнца и не понимает, что все вокруг нас освещено солнечными лучами и потому имеет множество оттенков. Черный предмет, на который падает солнечный луч, уже перестает быть черным: в нем есть и лиловые, и синие, и зеленые тона — все, кроме черного!

На наших палитрах не было черной краски.

В школе было две группы: в младшей имели дело только с акварельными красками и рисовали натюрморты, в старшей работали над портретом и начинали писать маслом. Рисовали мы и животных: собак, кошек, кроликов, однажды даже лошадь. Она стояла смиренно, не обращая на нас внимания.

Занятия в школе были двусменные, плата взималась ничтожная - кажется, 25 копеек в месяц. Ребята из детдома ничего не платили, ученики, проявившие особые способности, так же освобождались от платы за обучение. В старшей группе Серафима Иасоновна иногда проводила беседы по теории живописи, анатомии, объясняла пропорции человеческого тела, законы перспективы и светотени. Беседы возникали стихийно, никакого плана не существовало.

Бывшие ученики Блонской помнят какая атмосфера увлеченности отличала наши занятия. Серафима Иасоновна умела удивительно деликатно подходить ко всем ученикам, заставить каждого поверить в свои способности. Все любили строгую, но справедливую учительницу, за суровой внешностью которой чувствовался сильный характер. Вглядываясь в строгие, уже стареющие черты, я верила и не верила: неужели с нее написан тот портрет? Неужели то была она?

Портрет висел среди других картин в большом зале музея, который помещался в одном здании с библиотекой имени Чехова. Из рамы прямо в зал смотрела молодая женщина. В глазах ее были негодование, боль, отчаянная решимость... Рука сжимала скомканный листок бумаги: все кончено! Под портретом стояло: «Письмо». Худ. Синоди-Попов.

В лице той женщины было столько страсти! А Серафима Иасоновна двигалась так ровно, смотрела на нас так спокойно... Но бывали минуты: темные глаза ее вспыхивали, лицо озарялось каким-то другим, незнакомым светом. Да, это все-таки была она!

Племянница художницы, Галина Артемьевна Чумаченко рассказывает:

«С. И. Блонская родилась 21 сентября 1870 года в гор. Верхнеднепровске. Отец ее, Иасон Иванович Блонский, был юристом, мать - из семьи Стрельнева - профессора медицины Харьковского университета.

Блонские приехали в Таганрог, когда Серафиме Иасоновне исполнилось пять лет. Шутники говорили, что у Блончихи дочери или вакханки, или мадонны. Серафима Иасоновна принадлежала к мадоннам: высокая, прямая, гладко причесанная, без тени рисовки. Она и одевалась очень своеобразно: носила темные и широкие хитоны и сандалии с переплетами. А в карих глазах была женственность и грусть. Может быть, тоска по материнству, которого она была лишена.

В семье она сумела поставить себя независимо, и все в доме считались с ней. Рано начав рисовать, она наметила себе жизненный путь — стать художницей. После окончания с золотой медалью Таганрогской женской гимназии, С. И. училась в Киевской художественной школе Н. И. Мурашко, а затем в Петербургской Академии художеств.

...Не знаю, получала ли С. И. стипендию, но знаю, что жила она по-спартански, не имея ничего лишнего. И эта суровость по отношению к своему быту осталась у нее на всю жизнь...

После окончания Академии Художеств Серафиму Иасоновну посылают на казенный счет в Италию совершенствоваться. Италия ее пленила. Письма того периода были такими счастливыми, так полны радости бытия, природой, искусством. Там, в Италии, С. И. начала изучать итальянский язык и до конца дней своих любила его и читала по-итальянски свободно.

Две из ее картин приобрел Британский музей. Одна картина - «Девочки». Набросок этой картины, вернее, первый ее вариант, был у С. И. в Таганроге. Вторая картина — «Гуси». Это белые гуси на фоне серого неба и серого Азовского моря.

В одну из петербургских зим С. И. тяжело заболела брюшным тифом. Ее выхаживал изумительно преданно и терпеливо ее однокашник — художник Александр Михайлович Леонтовский. После тифа, весной, С. И. приехала с коротко остриженными волосами, похожая на мальчика, сильно похудевшая с обручальным кольцом на руке. «Я вышла замуж за Леонтовского» — сказала она¹.

Картину «Девочки» («Вербная суббота») я тоже знала. Она занимала центральное место в городском музее, около нее всегда были люди. Эта картина была дипломной работой

¹ Подлинник письма Г. А. Братцевой – (Чумаченко) хранится в Таганрогском краеведческом музее.

Серафимы Иасоновны в Академии. Сюжет картины таганрогский: ученицы женской мариинской гимназии в большом гимназическом зале. За окнами зала светилось нежное весеннее небо и это сочетание юности и весенней природы создавало в картине особое праздничное настроение. Написана картина в Таганроге, в застекленном мезонине того дома, к которому примыкала рисовальная школа.

На годичной конкурсной выставке в Академии Художеств работа молодой художницы была отмечена золотой медалью и получила отличные отзывы в прессе: ее сразу отметили, как «...картину, полную светлого, жизнерадостного настроения, свежести и истинной поэзии»².

Две другие замечательные картины — «Гуси» и «Маки» я увидела впервые в длинном, не очень светлом помещении школы, где проходили занятия зимой и в ненастную погоду. Увидела — и остолбенела. Как удивительно просто! Ведь именно этих гусей я столько раз видела на Банном спуске, когда они входили в море вместе со мной. И вода у берега была именно такая — серая, мутноватая, вовсе неинтересная... А на этих гусей глядишь — и глаз не оторвешь.

Совсем иначе были написаны «Маки». На солнечной зеленой лужайке колышутся горячие прозрачные цветы, и девочка в красном платье, протягивающая к ним руки, выглядит таким же пылающим маком. Сколько воздуха, сколько света может вместить небольшое полотно!

Серафима Иасоновна была замечательным колористом, солнечный свет был движущей силой ее творчества. Она была главным лицом в школе и нередко вела занятия одна. Но рядом с ней иногда мелькала сумрачная тень Александра Михайловича Леонтовского. Высокий, с широкими прямыми плечами, пропахший махоркой, он нелюдимо смотрел из-под густых нависших бровей. Летом всегда ходил босиком, носил холщевые штаны и холщевую рубашку. Руки его с коротко остриженными квадратными ногтями были черны от земли - все работы в саду и на огороде лежали в основном на его плечах.

Украинец, родом из Полтавы, Леонтовский был из кадровой военной семьи. Родители мечтали видеть его офицером, но, вопреки воле отца, он ушел из дома и поехал учиться в Петербург, в Академию Художеств...

В школе он вел занятия в основном в старшей группе. Те из учеников, в чьих работах остались его резкие, энергичные поправки, успели ощутить огромный талант этого художника. Как педагог, он предъявлял к учащимся высокие требования, старался внушить молодежи свою страстную, пылкую любовь к природе. Иной ученик, долго промучившись над рисунком, наконец считал его законченным. Вдруг за его спиной останавливался Леонтовский и отрывисто бросал: — Хорошо н-а-ч-а-т-о!

Девушке, рисовавшей куст сирени, Александр Михайлович пытался втолковать, что она не понимает этот куст, что нужно забыть всё на свете, видеть только эту сирень, войти в нее, вжиться — тогда, может быть что-то получится...

Помимо живописи, Леонтовский знакомил с лепкой. В гончарной мастерской, которая находилась рядом с классом, лепили из глины ящериц и других мелких животных, выделывали несложные сосуды.

Старшие ученики с большим интересом слушали лекции Леонтовского по истории живописи, его рассказы о великих мастерах прошлого. Сам он очень любил Рембрандта. В его мастерской висело на стенах несколько копий рембрандтовских полотен, в оригинальных работах Леонтовского ощущалась та же борьба света и мрака... Особенно интересна в этом отношении небольшая картина его кисти, которую в семье особенно берегли: в темных осенних сумерках светится окно какого-то дома, перечеркнутое обнаженной веткой дерева. Светится так загадочно, так маняще, что забыть его невозможно...

Если эпиграфом к творчеству Блонской могут служить строки Фета:

² Картины С. И. Блонской «Девочки», «Гуси», «Маки» и др. включены в постоянную экспозицию Таганрогской картинной галереи.

«Вокруг светло.
На праздник Рима
Взглянули ярко небеса –
И высоко — неизмерима
Их светло-синяя краса» -

то осеннее окно Леонтовского вызывает в памяти другое стихотворение этого поэта — «Светоч»:

«Ловец, все дни отдавший лесу,
Я направлял по нем стопы;
Мой глаз привык к его навесу
И ночью различал тропы.
Когда же вдруг из тучи мгlistой
Сосну ужалил яркий змей,
Я сам затеплил сук смолистый
У золотых ее огней...»

Рисовальная школа двух художников-энтузиастов действительно была светочем в Таганроге 20-х годов. В конце жизни С. И. Блонская высказывала сожаление, что все же немногие из ее учеников развили свои способности, стали профессионалами³. Но все, кому посчастливилось учиться в этой школе, навсегда сохранили ту радость, какую давало общение с подлинным большим искусством, с природой.

Вскоре после смерти А. М. Леонтовского в 1927 году школа прекратила свое существование.

Семья Блонских была большой и дружной. У Иасона Ивановича и Александры Ивановны было семь дочерей: Евгения, Ариадна, Виктория, Валентина, Серафима, Анна, Людмила.

Блонские обосновались в Таганроге в то время, когда семья Чеховых уже покинула Таганрог. Тем не менее, Антон, оставшийся в Таганроге, «любил ухаживать за гимназистками» (М. П. Чехов «Вокруг Чехова») и, видимо, был знаком со старшими Блонскими — ученицами женской Гимназии.

Евгения Иасоновна Блонская вышла замуж за приятеля Чехова - Дмитрия Тимофеевича Савельева. Чехов навестил ее в Таганроге во время своего «степного путешествия» и общился в Москву о ее невеселом житье в тот момент.

Дочери Ариадны Иасоновны — Ада Артемьевна и Галина Артемьевна Чумаченко обладали незаурядными литературными способностями. Ада Чумаченко стала писательницей, жила и печаталась в Москве.

Валентина Иасоновна училась в гимназии вместе с Сашей Селивановой. Они были ровесницами (А. Л. Селиванова родилась в 1865 г.), их связывала тесная дружба. Однако, Валентина Иасоновна не смогла простить своей приятельнице ее брака с А. А. Мирошниченко, порвала с ней всякие отношения и стала другом ее обиженной младшей сестры — Ольги, которая была скромнее, и проще.

И. И. Блонский работал в Таганроге старшим нотариусом. В семье Блонских родным языком был украинский, дома между собой все говорили по-украински.

³ Учениками С. И. Блонской были старейшие художники Таганрога : В. Я. Григорьева, Е. И. Петров и скульптор В. В. Руссо.

В. Я. Григорьева много лет руководила изостудией в городском Доме пионеров, работала как педагог в средних школах. Освоила интересный вид прикладного искусства – мозаику.

Моя соученица по школе № 10 – А. Р. Григорьева так же была ученицей Блонской. По совету художницы: - Иди, Тася, в архитектуру – архитектуре предстоит большое будущее, - стала архитектором, много лет проработала в Москве под руководством доктора архитектуры Олтаржевского.

Серафима Иасоновна обращалась с мужем подчас повелительно, они понимали друг друга без слов, стоило ей сказать: — Чуешь? — и он сейчас же угадывал и исполнял ее просьбу или желание. Говорили, что в жизни Серафимы Иасоновны была другая большая любовь, может быть, от той поры и остался нам ее портрет с письмом в руке? Но этого уже никто никогда не узнал...

ЦГТБ имени А. П. Чехова